

шеніе между этими лишенными значенія индивидуальностями, само оно лишено значенія.

Есть только два условія, при которыхъ подобное отношеніе можетъ имѣть дѣйствительный смыслъ: или каждая изъ этихъ личностей сама по себѣ есть нѣчто безусловное, реальное и потому отношеніе между ними опредѣляется ихъ собственною сущностью, или личности эти не имѣютъ безусловной самобытности, но заимствуютъ ее отъ другого абсолютно реальнаго начала. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ требованіе любви большей, чѣмъ къ себѣ самому, не можетъ имѣть мѣста въ отношеніи къ равнымъ, а только въ отношеніи къ Богу.

Требованія *подчиненія* личнаго блага, благу общему есть требованія разума и вытекаютъ изъ отношенія человѣка къ цѣлому и къ его первой причинѣ, а не изъ отношенія къ другой личности, такой же, какъ и онъ самъ.

Сознательное подчиненіе интересовъ своей личности цѣлямъ міроваго процесса, насколько они доступны человѣку, есть, разумѣется, высшее возможное для него благо, и въ этомъ отношеніи гр. Толстой совершенно правъ. Разумный человѣкъ, говоритъ онъ, — не можетъ не признать, что допустивъ въ теоріи возможность замѣнить стремленіе къ собственному благу стремленіемъ къ благу другихъ существъ, жизнь его изъ неразумной и несчастной, какою она была прежде, превращается